

DOI 10.46320/2077-7639-2025-8-141-141-152

Экономика спроса и экономика предложения: приоритеты и преимущества на отдельных этапах экономического развития

Барабанов В.Ю., Гайфуллин В.А.

В представленном исследовании осуществляется комплексный анализ циклической динамики макроэкономических парадигм в контексте их воздействия на траектории развития национальных экономик. На основе ретроспективного изучения теоретических основ кейнсианства и экономики предложения выявлены системные закономерности волнообразной смены доминирующих подходов в глобальном масштабе. Эмпирическая часть работы базируется на сравнительном анализе макроэкономических показателей Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки за период 2020 – 2025 гг., что позволило выявить специфику адаптации теоретических концепций в условиях различных институциональных сред. Центральным выводом исследования является подтверждение гипотезы о завершении Россией структурного перехода от модели развивающейся экономики, детерминированной факторами предложения, к зрелой спросовой модели, характерной для постиндустриальных систем. Данная трансформация находит статистическое подтверждение в достижении пороговых значений по ключевым индикаторам: ВВП на душу населения по ППС (\$47 405) и доле конечного потребления домашних хозяйств в ВВП (68,8%). В заключении обосновывается тезис об отсутствии универсальной эффективности какой-либо одной парадигмы и формулируется необходимость разработки гибких стратегий макроэкономического регулирования, адаптивно комбинирующих инструменты стимулирования спроса и активизации предложения в зависимости от фаз экономического цикла и долгосрочных целей развития.

для цитирования

ГОСТ 7.1–2003

Барабанов В.Ю., Гайфуллин В.А. Экономика спроса и экономика предложения: приоритеты и преимущества на отдельных этапах экономического развития // Дискуссия. — 2025. — № 8(141). — С. 141–152.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Экономика спроса, экономика предложения, кейнсианство, рейганомика, экономические циклы, макроэкономическая политика, мультипликатор, фискальное стимулирование, структурные реформы, экономический рост.

Demand-side and supply-side economics: priorities and comparative advantages at distinct stages of economic development

Barabanov V.Y., Gaifullin V.A.

This study provides a comprehensive analysis of the cyclical dynamics of macroeconomic paradigms and their impact on the development trajectories of national economies. Through a retrospective examination of the theoretical foundations of Keynesianism and supply-side economics, it identifies systemic patterns of a wave-like alternation between these dominant approaches on a global scale. The empirical part of the work is based on a comparative analysis of macroeconomic indicators for the Russian Federation and the United States for the period 2020 – 2025, revealing the specifics of how these theoretical concepts are adapted within different institutional environments. A key finding of the research is the confirmation of the hypothesis that Russia has completed a structural transition from a developing economy model, driven by supply-side factors, to a mature demand-side model characteristic of post-industrial systems. This transformation is statistically corroborated by the achievement of threshold values for key indicators: GDP per capita (PPP \$47,405) and the share of household final consumption in GDP (68.8%). In conclusion, the study substantiates the thesis that no single paradigm is universally effective and underscores the necessity of developing flexible macroeconomic regulation strategies. These strategies should adaptively combine demand-side stimulation and supply-side activation tools, depending on the phases of the economic cycle and long-term development goals.

FOR CITATION

Barabanov V.Y., Gaifullin V.A. Demand-side and supply-side economics: priorities and comparative advantages at distinct stages of economic development. *Diskussiya [Discussion]*, 8(141), 141–152.

APA

KEYWORDS

Demand-side economics, supply-side economics, Keynesianism, Reaganomics, economic cycles, macroeconomic policy, multiplier, fiscal stimulation, structural reforms, economic growth.

Современная макроэкономическая теория и практика государственного регулирования характеризуются принципиальной дилеммой выбора между стимулированием совокупного спроса и активизацией предложения. Данная проблематика приобретает критическую значимость в условиях глобальных экономических трансформаций, когда правительства сталкиваются с необходимостью стратегических реше-

ний относительно приоритетов экономической политики.

Противостояние между кейнсианской концепцией активного государственного вмешательства через стимулирование спроса и неоклассическими подходами, акцентирующими создание благоприятных условий для производителей, формирует базовую теоретическую рамку современного макроэкономического регулирования. Однако

практика показывает, что доминирование той или иной парадигмы носит циклический характер, подобно экономическим кризисам и подъёмам.

Гипотеза настоящего исследования заключается в том, что развитие мировой экономики демонстрирует закономерную цикличность смены доминирующих парадигм между экономикой спроса и экономикой предложения. Подобно волнам Кондратьева или циклам Жюгляра, макроэкономическая политика различных стран характеризуется периодическими переходами от акцента на стимулировании потребительского спроса к концентрации усилий на развитии производственного потенциала и наоборот.

Анализ данных по ведущим экономикам мира, включая детальное исследование России и США, позволит выявить закономерности данной цикличности и определить факторы, обуславливающие переходы между различными парадигмами экономической политики.

Фундаментальное различие между развивающимися и развитыми экономиками определяет доминирование соответствующих парадигм макроэкономического регулирования. Развивающиеся страны характеризуются экономикой предложения, где основные усилия направлены на наращивание производственного потенциала, привлечение инвестиций, развитие экспортных отраслей. Развитые экономики функционируют в парадигме экономики спроса, где потребительские расходы формируют движущую силу экономического роста.

Российская экономика демонстрирует уникальную траекторию перехода от модели экономики предложения к экономике спроса, что свидетельствует о достижении статуса развитой страны. Данная трансформация подтверждается комплексом макроэкономических показателей и структурными изменениями в экономической системе.

Теоретическое обоснование экономики спроса кристаллизовалось в период Великой депрессии 1930-х годов благодаря революционным идеям Джона Мейнарда Кейнса. Кейнсианская парадигма базируется на фундаментальном отрицании способности рыночной экономики к автоматическому достижению равновесия при полной занятости ресурсов.

Центральным элементом кейнсианской теории выступает концепция эффективного спроса, согласно которой объём национального производства определяется величиной совокупного спроса на товары и услуги. Данный подход кар-

динально противоречит классическому закону Сэя, утверждающему автоматическое равенство совокупного спроса и предложения. Кейнс доказывал, что склонность населения к сбережению части доходов создаёт ситуацию недостаточного совокупного спроса для обеспечения полной занятости [1].

Механизм мультипликативного воздействия государственных расходов составляет технологическую основу кейнсианской политики. Теория мультипликатора демонстрирует, что первоначальное увеличение автономных расходов генерирует цепную реакцию роста доходов, превышающую исходный импульс.

Неокейнсианские разработки расширили инструментарий стимулирования спроса концепцией акселератора, отражающего зависимость инвестиций от темпов роста дохода. Взаимодействие мультипликатора и акселератора формирует основу современных моделей антициклической политики [2].

Экономическая теория предложения развивалась как альтернативная кейнсианству концепция, акцентирующая факторы производственных возможностей экономики. Интеллектуальные корни данного подхода прослеживаются в работах классической школы – Адама Смита, Давида Рикардо, Жана-Батиста Сэя [3].

Современная теория предложения кристаллизовалась в 1970-х годах в трудах Роберта Манделла и Артура Лаффера, формулировавших принципы экономической политики, направленной на стимулирование производства через снижение налогового бремени и дерегулирование. Концептуальным ядром теории выступает утверждение о том, что долгосрочный экономический рост обеспечивается преимущественно факторами предложения.

Кривая Лаффера демонстрирует нелинейную зависимость между уровнем налогообложения и объёмом налоговых поступлений. Согласно данной концепции, существует оптимальная налоговая ставка, максимизирующая бюджетные доходы. Превышение оптимального уровня приводит к снижению стимулов к экономической активности и сокращению налоговой базы [4].

Экономическая история развитых стран демонстрирует циклические закономерности в доминировании различных подходов к макроэкономическому регулированию. Период с 1930-х по 1970-е годы характеризовался господством кейнсианской парадигмы. Успешное применение методов стимулирования спроса для преодоления

депрессии и обеспечения послевоенного роста создало устойчивую репутацию кейнсианского подхода [5].

Кризис 1970-х годов, проявившийся в стагфляции, подорвал доверие к кейнсианским рецептам. Неспособность традиционных моделей объяснить сочетание рецессии с ускоряющейся инфляцией открыла путь для возрождения неоклассических идей и формирования теории экономики предложения.

1980 – 1990-е годы ознаменовались масштабным экспериментом с политикой снижения налогов и дерегулирования в США и Великобритании. Относительный успех реформ в обеспечении экономического роста способствовал глобальному распространению принципов экономики предложения [2].

Финансовый кризис 2008 – 2009 годов вновь актуализировал кейнсианские подходы, поскольку традиционные инструменты денежно-кредитной политики оказались неэффективными. Масштабные программы фискального стимулирования знаменовали возврат к политике активного воздействия на совокупный спрос.

Экономика США, составляющая 26,4% мирового ВВП, представляет уникальную модель для изучения циклических переходов между различными парадигмами. Структурные особенности американской экономики создают благоприятные условия для применения как спросовых, так и предложенических подходов (таблица 1).

Доминирование потребительских расходов в структуре ВВП подтверждает значимость кейнсианских механизмов трансмиссии экономической политики. Высокая доля личного потребления создаёт мощные мультипликативные эффекты при фискальном стимулировании.

Рейганомика 1980-х годов представляла масштабный эксперимент с принципами экономики предложения. Снижение максимальной ставки подоходного налога с 70% до 28%, дерегулирование отраслей экономики, борьба с инфляцией через ограничение денежной массы – данные меры

соответствовали теоретическим предписаниям экономики предложения.

Результаты оказались противоречивыми: экономический рост ускорился, инфляция снизилась, однако дефицит федерального бюджета значительно возрос, что противоречило первоначальному обещаниям сбалансированности государственных финансов.

Администрация Клинтона реализовала синтез элементов экономики предложения и умеренно кейнсианских подходов. Бюджетная консолидация сочеталась с инвестициями в образование и технологии. Технологический бум 1990-х создал уникальные условия для роста производительности, что соответствовало предсказаниям сторонников экономики предложения [1].

Финансовый кризис 2008 – 2009 годов потребовал масштабного государственного вмешательства. Американский закон о восстановлении стоимостью 787 млрд долларов представлял классический пример кейнсианского фискального стимула. Федеральная резервная система реализовала беспрецедентную программу количественного смягчения, увеличив баланс с 900 млрд до 4 трлн долларов.

Данные на рисунке выше демонстрируют влияние пандемии COVID-19 на активизацию кейнсианских подходов. Масштабные фискальные стимулы 2020 – 2021 годов способствовали быстрому восстановлению экономики, но спровоцировали инфляционные процессы, что создало предпосылки для нового поворота к экономике предложения.

Современная американская экономика демонстрирует растущую роль высокотехнологичных отраслей. Исследования и разработки формируют 5,1% ВВП против 2,9% в 1995 – 2000 годах. Данная тенденция соответствует принципам экономики предложения, поскольку технологические инновации расширяют производственные возможности [1].

Замедление темпов роста потребления и снижение вклада государственных расходов в эко-

Таблица 1

Структура ВВП США по компонентам расходов (2024 г.)

Компонент	Объём, трлн долл.	Доля в ВВП, %	Темп роста, %
Личное потребление	20,12	68,0	2,8
Валовые частные инвестиции	4,63	15,7	1,2
Государственные расходы	4,45	15,1	3,1
Чистый экспорт	-0,65	-2,2	-1,8

Источник: составлено авторами по данным: Gross Domestic Product. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bea.gov/data/gdp/gross-domestic-product> (дата обращения: 10.09.2025).

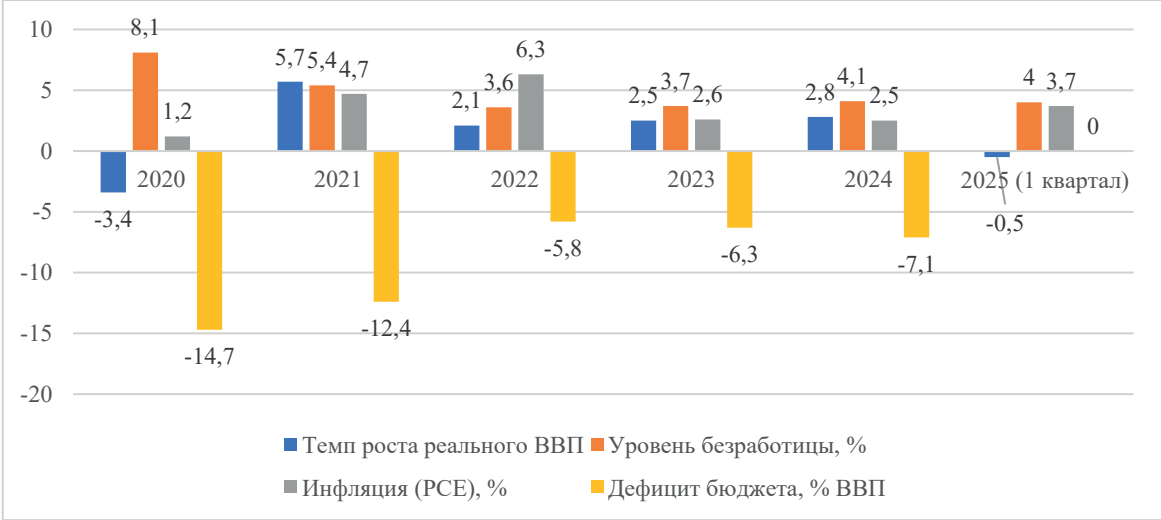

Рисунок 1. Основные макроэкономические показатели США (2020 – 2025 гг.)

Источник: составлено авторами по данным: [6].

Таблица 2

Динамика основных компонентов ВВП США по кварталам (2024 – 2025 гг.)

Компонент	2024 – 1 кв.	2024 – 2 кв.	2024 – 3 кв.	2024 – 4 кв.	2025 – 1 кв.
Потребление домохозяйств, %	2,5	2,8	3,5	2,2	1,2
Частные инвестиции, %	0,9	1,8	1,1	-2,3	1,3
Государственные расходы, %	1,2	2,7	3,9	4,7	-0,8
Чистый экспорт, вклад в рост	-0,9	-0,7	0,6	0,4	-5,0

Источник: составлено авторами по данным: [7].

номический рост в I квартале 2025 года свидетельствует о переходе к более сбалансированной модели развития, где возрастает роль частных инвестиций как фактора предложения.

Российская экономика завершила качественный переход к статусу развитой страны, что подтверждается достижением пороговых значений основных макроэкономических индикаторов. Согласно официальным данным Росстата, ВВП России в 2024 году составил 201,15 трлн рублей при темпе роста 4,3%, что превышает динамику большинства развитых экономик мира (таблица 3).

Структурная трансформация российской экономики отражает переход от модели развивающейся к модели развитой страны. Конечное потребление домашних хозяйств достигло 68,8%

ВВП в 2024 году, что соответствует параметрам постиндустриальных экономик и кардинально отличается от развивающихся стран, где данный показатель составляет 45 – 60%.

Данные о компонентах потребления демонстрируют восстановительную траекторию российской экономики после периода адаптации 2022 года. Наиболее динамичный рост наблюдается в сегменте общественного питания, что свидетельствует о повышении благосостояния населения и формировании привычек потребления, характерных для развитых экономик. Сектор платных услуг демонстрирует устойчивое расширение, отражающее диверсификацию потребительских предпочтений за пределы базовых товарных категорий [9].

Таблица 3

Основные экономические показатели России в 2024 году

Показатель	Значение
ВВП номинальный, трлн руб.	201,15
Темп роста ВВП реальный, %	4,3
ВВП на душу населения (ППС), долл.	47 405
Место по ВВП (ППС) в мире	4

Источник: составлено авторами по данным: [8].

Таблица 4

Компоненты потребления в России (2022 – 2024 гг.)

Компонент	2022	2023	2024
Платные услуги, % к IV кв. 2021	-5	5	9
Общественное питание, % к IV кв. 2021	5	15	20
Розничная торговля продовольствиями, % к IV кв. 2021	-2	2	4
Розничная торговля непродовольственными товарами, % к IV кв. 2021	-15	0	3

Источник: составлено авторами по данным: [9].

Данная структура демонстрирует доминирование внутреннего спроса над экспортной ориентацией, что является характерной чертой развитых экономик. Рост конечного потребления на 6,4% при увеличении расходов домашних хозяйств на 7,5% подтверждает формирование потребительской модели экономического развития.

Отраслевая трансформация российской экономики соответствует тенденциям развитых стран. Наибольший рост демонстрируют высокотехнологичные сектора: производство компьютерной техники и электроники (+28,8%), транспортное машиностроение (+29,6%), фармацевтическая промышленность (+18%). Одновременно происходит развитие сферы услуг, где особенно выделяется финансовый сектор (+16,5%).

Переход России к экономике спроса подтверждается динамикой потребительского сек-

тора. Потребительские расходы домашних хозяйств выросли на 17% в номинальном выражении до 43,5 тыс. рублей в месяц в 2024 году, при этом рост заработных плат составил 18%, что создает устойчивую основу для дальнейшего развития спросовой модели.

Финансовая система России достигла параметров, характерных для развитых экономик. Активы банковской системы превышают 180% ВВП, что сопоставимо с показателями европейских стран. Развитие финансовых рынков обеспечивает институциональную базу для функционирования экономики спроса через механизмы потребительского кредитования и инвестиционного финансирования [11].

Неоднократные заявления российского руководства о статусе России как развитой экономики получают статистическое подтверждение. По клас-

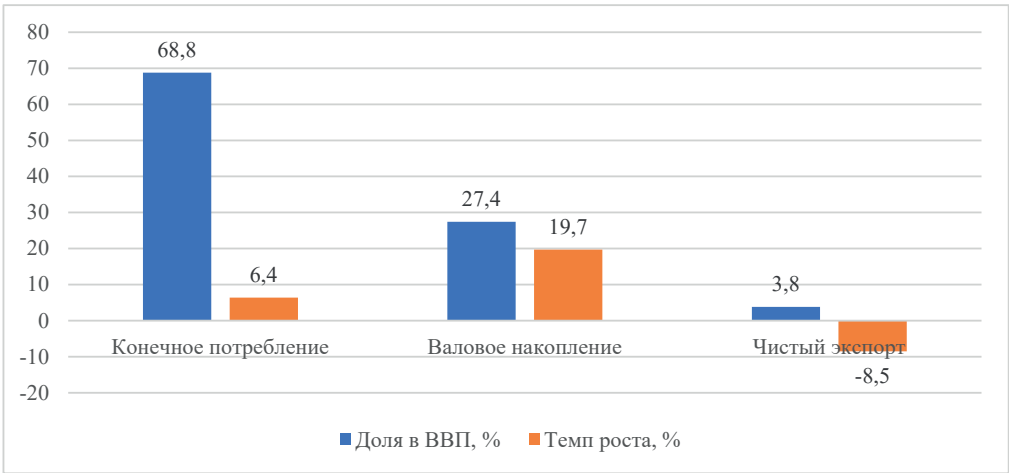

Рисунок 2. Структура использования ВВП России в 2024 году

Источник: составлено авторами по данным: [8], [9].

Таблица 5

Сравнительные характеристики развитых и развивающихся экономик

Критерий	Развитые страны	Развивающиеся страны	Россия 2024
ВВП на душу (ППС), долл.	>40 000	<25 000	47 405
Доля потребления в ВВП, %	65-75	45-60	68,8
Доля инвестиций в ВВП, %	18-25	25-35	27,4
Основной драйвер роста	Спрос	Предложение	Спрос

Источник: составлено авторами по данным: [10].

сификации ООН Россия входит в группу стран с очень высоким уровнем человеческого развития, а показатель ВВП на душу населения по ППС превышает пороговые значения для развитых экономик, установленные международными организациями.

Российская экономика представляет специфический случай применения концепций спроса и предложения в условиях ресурсно-ориентированной экономики, находящейся под воздействием внешних ограничений. Номинальный ВВП России составил 201,15 трлн рублей в 2024 году при темпе роста 4,3% [8].

Структурные особенности российской экономики включают высокую зависимость от экспорта сырья, значительную роль государственного сектора, относительно низкий уровень государственного долга. Данные характеристики создают уникальные возможности и ограничения для применения различных подходов к макроэкономическому регулированию [10].

Трансформационный период 1990-х годов представлял попытку радикального применения принципов экономики предложения через либерализацию и приватизацию. Однако результатом стал глубокий кризис, что продемонстрировало ограниченность чисто рыночного подхода в условиях институциональной незрелости.

Восстановительный рост 2000-х годов опирался на факторы предложения: благоприятную конъюнктуру сырьевых рынков, загрузку простаивавших мощностей, налоговые реформы. Введение плоской шкалы подоходного налога (13%), снижение налога на прибыль соответствовали принципам экономики предложения [12].

Низкий уровень государственного долга создаёт значительные возможности для проведения кейнсианской политики стимулирования спроса в случае необходимости. Относительная сбалансированность бюджета обеспечивает фискальную устойчивость.

Глобальный кризис 2008 – 2009 годов потребовал применения кейнсианских методов. Падение цен на нефть с 140 до менее 40 долларов создало серьёзные вызовы. Антикризисная программа предусматривала использование средств Резервного фонда общим объёмом около 6,7% ВВП [5].

Банк России реализовал политику управляемой девальвации рубля, что носило характер стимулирования экономики со стороны предложения через улучшение условий импортозамещения. Сочетание фискального стимулирования спроса и валютного стимулирования предложения обеспечило относительно мягкое прохождение кризиса.

Введение санкций в 2014 и 2022 годах создало принципиально новые условия, потребовавшие адаптации теоретических подходов. Ограничения доступа к внешним рынкам капитала и технологий актуализировали задачи стимулирования внутреннего спроса и развития отечественного производства.

Региональная дифференциация потребительского спроса отражает неравномерность адаптации к новым условиям. Высокие темпы роста в южных регионах связаны с реализацией инфраструктурных проектов и эффектом низкой базы.

Развитие потребительской активности в российских регионах характеризуется неравномерно-

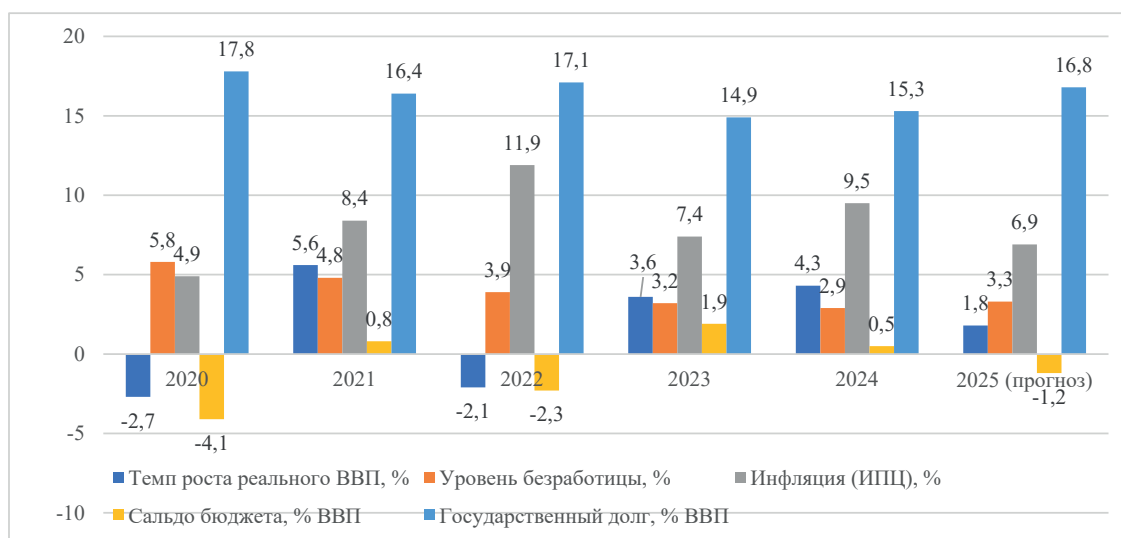

Рисунок 3. Основные макроэкономические показатели России (2020 – 2025 гг.)

Источник: составлено авторами по данным: [8].

стью, обусловленной различиями в экономической специализации и близостью к федеральным центрам. Московский регион демонстрирует опережающее развитие сферы услуг и общественного питания, что соответствует характеристикам постиндустриальной экономики. Регионы Урала и Поволжья показывают рост потребления на фоне увеличения заработных плат в обрабатывающей промышленности, связанной с выполнением государственного оборонного заказа.

Финансовое поведение населения претерпело существенные изменения в направлении большей сбалансированности между потреблением и накоплением. Прирост задолженности по потребительским кредитам составил 2,1 трлн рублей в 2023 году, однако одновременно произошло увеличение банковских вкладов на 8,3 трлн рублей. Подобная динамика свидетельствует о формировании осознанного подхода к управлению личными финансами.

Трансформация потребительских предпочтений отражает адаптацию к новым условиям товарного предложения. Увеличение доли онлайн-продаж до 7,9% оборота розничной торговли сопровождается изменением функций традици-

онных торговых центров, которые трансформируются в многофункциональные пространства с развлекательными и социальными функциями. Рост внутреннего туризма на 16,7% стимулирует развитие региональной инфраструктуры и способствует перераспределению потребительских потоков [9].

Отраслевая структура роста демонстрирует диверсификацию источников развития. Высокие темпы в сфере информационных технологий и обрабатывающих производствах свидетельствуют об активизации факторов предложения через технологическое развитие и импортозамещение.

Трансформация потребительских настроений отражает адаптационные процессы в российской экономике. Переход от негативных значений к позитивным показателям индекса потребительских настроений сопровождается существенным изменением сберегательного поведения населения. Увеличение нормы сбережений до рекордных 10% в 2024 году при одновременном росте потребительского оптимизма характеризует формирование зрелой модели экономического поведения домохозяйств.

Таблица 6

Динамика потребительского спроса в российских регионах (2024 г.)

Регион	Рост спроса, %	Средний чек, руб.	Факторы роста
Республика Адыгея	+20,7	1,890	Инфраструктурные проекты
Карачаево-Черкесская Республика	+11,7	1,654	Эффект низкой базы
Республика Башкортостан	+11,2	2,134	Промышленное развитие
Челябинская область	+10,8	2,287	Оборонные заказы
Россия (среднее значение)	+6,4	2,156	Рост доходов населения

Источник: составлено авторами по данным: [13].

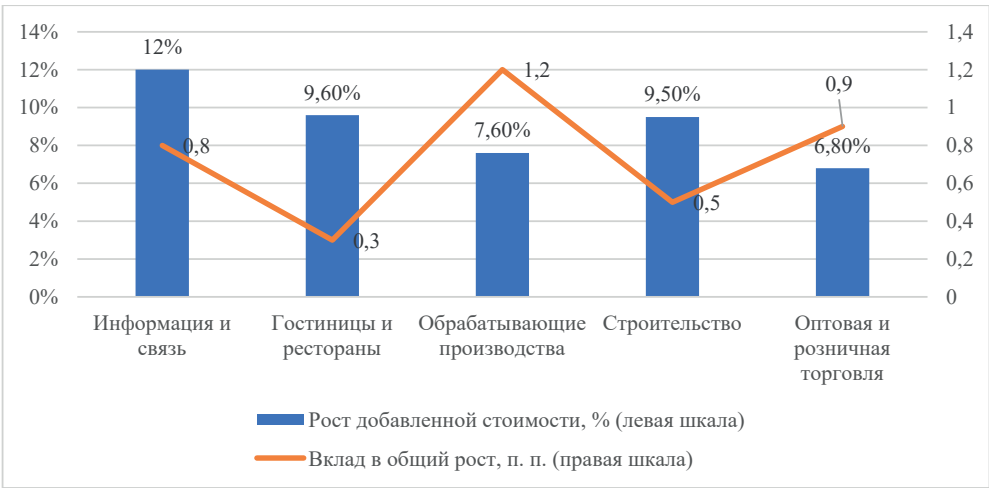

Рисунок 4. Отраслевая структура экономического роста России (2024 г.)

Источник: составлено авторами по данным: [8].

Таблица 7

Индекс потребительских настроений и склонность к сбережениям

Период	Индекс потребительских настроений (0=100%)	Склонность к сбережениям, баланс ответов	Норма сбережений, %
янв.2021	-10	-22	2
янв.2022	-15	-20	3
янв.2023	5	-5	6
янв.2024	9	6	10

Источник: составлено авторами по данным: [9].

Таблица 8

Розничные продажи основных категорий товаров (2022 – 2023 гг.)

Категория товаров	2022 к 2021, %	2023 к 2022, %	Характер динамики
Легковые автомобили	-45	35	Восстановительный рост
Лекарственные средства	25	14	Устойчивый рост
Одежда	-15	17	Замещение брендов
Мобильные телефоны	-25	18	Технологическая адаптация
Телевизоры	-20	30	Импортозамещение
Мебель	-30	2	Медленное восстановление

Источник: составлено авторами по данным: [9].

Структура розничных продаж отражает различные скорости адаптации товарных категорий к новым условиям функционирования российского рынка. Наиболее быстрое восстановление демонстрируют сегменты с успешным замещением ушедших брендов либо развитием отечественного производства. Категории товаров длительного пользования характеризуются более медленными темпами восстановления, что связано с технологическими ограничениями и ценовыми факторами [14].

Отметим, что американская экономика представляет классическую модель зрелой экономики спроса, демонстрируя структурные характеристики, к которым стремятся развивающиеся страны в процессе экономической трансформации. При этом российская экономика уже достигла многих параметров, характерных для развитых стран, что подтверждает завершение процесса структурной модернизации.

Структурное сходство российской и американской экономик по доле потребления (68,8%

против 68,0%) свидетельствует о завершении Россией перехода к спросовой модели развития. Более высокие темпы роста российской экономики объясняются эффектом догоняющего развития при сохранении качественных характеристик развитой страны.

Современная экономическая реальность требует отказа от догматического следования единственной парадигме в пользу гибкого сочетания элементов различных подходов. Оптимальная экономическая политика должна учитывать фазу экономического цикла, структурные особенности национальной экономики, внешние условия.

В краткосрочном периоде при недостаточном совокупном спросе кейнсианские методы стимулирования остаются актуальными. Однако долгосрочный устойчивый рост требует активизации факторов предложения через инвестиции в человеческий капитал, технологии, инфраструктуру.

Цифровизация экономики создаёт новые возможности для повышения эффективности как

Таблица 9

Сравнение экономических моделей России и США в 2024 году

Показатель	Россия	США	Характеристика модели
Доля потребления в ВВП, %	68,8	68,0	Россия – зрелая спросовая модель
Темп роста ВВП, %	4,3	2,8	Россия – динамичное развитие
Доля инвестиций в ВВП, %	27,4	15,7	Россия – активное накопление капитала
Структура экономики	Постиндустриальная	Постиндустриальная	Сопоставимые модели

Источник: составлено авторами по данным: [15].

спросовых, так и предложенческих инструментов. Использование больших данных и искусственного интеллекта позволяет точнее таргетировать меры экономической политики.

Российская экономика обладает уникальными возможностями для реализации сбалансированной политики благодаря низкому государственному долгу и значительным резервам. Приоритетными направлениями должны стать инвестиции в технологическое развитие, образование, здравоохранение.

Развитие внутреннего рынка требует стимулирования потребительского спроса через повышение доходов населения и развитие финансовых институтов. Одновременно необходимо создание условий для роста производительности труда через технологическую модернизацию.

Импортозамещение должно опираться не только на защитные меры, но и на создание конкурентоспособных производств через инвестиции в исследования и разработки. Развитие несырьевого экспорта требует комплексной поддержки инновационных секторов.

Американская экономика нуждается в решении проблемы растущего неравенства доходов и высокого государственного долга. Необходима налоговая реформа, обеспечивающая справедливое распределение нагрузки и стимулирование инвестиций.

Инфраструктурные инвестиции могут обеспечить сочетание кейнсианского стимулирования спроса с долгосрочным повышением производительности. Модернизация транспортной, энергетической, цифровой инфраструктуры создаст условия для устойчивого роста.

Образовательная политика должна обеспечить подготовку кадров для цифровой экономики. Инвестиции в переподготовку рабочей силы помогут адаптации к технологическим изменениям и снижению структурной безработицы.

Международная координация экономической политики приобретает возрастающее значение в условиях глобализации. Несогласованные действия крупных экономик могут приводить к дестабилизации мировых рынков и снижению эффективности национальных мер.

Формирование региональных экономических блоков создаёт новые возможности для координации политики стимулирования спроса и предложения. Европейский союз, соглашения в рамках ЕАЭС, другие интеграционные объединения могут стать площадками для выработки согласованных подходов.

Технологические революции, связанные с искусственным интеллектом, возобновляемой энергетикой, биотехнологиями, создают принципиально новые условия для экономического развития. Страны, сумевшие адаптировать свою экономическую политику к этим вызовам, получают конкурентные преимущества.

Анализ исторических данных позволяет предположить, что современный период доминирования элементов кейнсианской политики, активизировавшийся после кризиса 2008 года и пандемии COVID-19, постепенно сменится новым циклом акцента на факторах предложения.

Признаками начинающегося перехода служат растущие инфляционные давления в развитых странах, достижение пределов эффективности монетарного стимулирования, накопление высокого уровня государственного долга. Данные факторы создают предпосылки для возврата к политике структурных реформ и стимулирования предложения.

Новый цикл экономики предложения будет отличаться от предыдущих волн акцентом на технологических инновациях, человеческом капитале, устойчивом развитии. Традиционные инструменты снижения налогов и дерегулирования дополнятся мерами по развитию цифровой экономики и «зелёных» технологий.

Длительность циклов смены парадигм может сокращаться вследствие ускорения экономических и технологических изменений. Если предыдущие циклы длились 30 – 40 лет, современные переходы могут происходить в течение 15 – 20 лет, что требует повышенной гибкости экономической политики.

Таким образом, гипотеза о циклической природе смены доминирующих парадигм между экономикой спроса и экономикой предложения в развитии мировой экономики подтверждается. Анализ теоретических основ и практического опыта ведущих стран позволил определить, что ни один из подходов не обладает универсальной применимостью во всех экономических условиях.

Кейнсианская концепция стимулирования совокупного спроса доказала эффективность в периоды экономических кризисов и недостаточной загрузки производственных мощностей. Однако длительное применение данного подхода приводит к накоплению структурных дисбалансов, инфляционных давлений, чрезмерного государственного долга.

Экономика предложения обеспечивает условия для долгосрочного устойчивого роста через

стимулирование инвестиций, инноваций, повышение производительности. Вместе с тем чрезмерное увлечение дерегулированием и снижением налогов может приводить к росту неравенства, системным рискам, недостаточному совокупному спросу.

Опыт США демонстрирует классическую схему циклических переходов: от кейнсианского доминирования 1930 – 1970-х годов через рейганомистику 1980-х к неолиберальному синтезу 1990-х и возврату к активному государственному вмешательству после 2008 года. Современный период характеризуется поиском нового баланса между стимулированием спроса и активизацией факторов предложения.

Российская экономика продемонстрировала уникальный переход от модели экономики предложения, характерной для развивающихся стран, к модели экономики спроса, свойственной развитым государствам. Достижение показателей ВВП на душу населения в размере 47 405 долларов по ППС, формирование структуры ВВП с долей потребления 68,8% и развитие высокотехнологичных отраслей подтверждают статус России как развитой экономики.

Данная трансформация открывает новые возможности для макроэкономического регулирования, позволяя использовать инструменты как экономики спроса, так и экономики предложения в зависимости от текущих вызовов и задач национального развития.

Российская экономика прошла путь от радикальной либерализации 1990-х через восстановительный рост 2000-х к современной модели смешанного регулирования. Санкционные ограничения актуализировали задачи развития внутреннего рынка и технологической модернизации, что требует сочетания элементов обеих парадигм.

Статистический анализ подтверждает различные траектории развития национальных экономик в зависимости от применяемых подходов. Страны, сумевшие адаптировать экономическую политику к изменяющимся условиям, демонстрируют более устойчивые результаты по сравнению с теми, которые догматически следуют единственной парадигме.

Современные вызовы глобализации, технологических революций, изменения климата требуют принципиально нового подхода к экономическому регулированию. Оптимальная стратегия должна сочетать краткосрочное кейнсианское стимулирование с долгосрочными структурными реформами, направленными на повышение конкурентоспособности и устойчивости развития.

Прогнозируемое сокращение длительности циклов смены парадигм требует повышенной гибкости экономической политики и готовности к быстрой адаптации инструментария регулирования. Успешными будут те экономики, которые сумеют создать институциональные механизмы для оперативного реагирования на изменения экономической конъюнктуры.

Список литературы

1. Капканщикова, С. В. От экономики спроса к экономике предложения? / С. В. Капканщикова, С. Г. Капканщиков // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. – 2021. – № 1. – С. 58–76.
2. Хангулыева, О. Закон спроса и предложения в экономике / О. Хангулыева // Символ науки: международный научный журнал. – 2023. – № 5–1. – С. 103–105.
3. Мырадова, А. Спрос и предложение и другие понятия в экономике / А. Мырадова, О. Розыева, М. Аннамырадов // Ceteris Paribus. – 2023. – № 3. – С. 151–154.
4. Иванова, Ю. А. Факторы спроса и предложения в экономике / Ю. А. Иванова // Менеджмент в социальных и экономических системах, 2021. – С. 189–191.
5. Сиденко, Д. С. Моделирование спроса и предложения в условиях цифровой экономики / Д. С. Сиденко // Форум. – 2024. – № 2(32). – С. 257–260.
6. Краткий обзор экономики США. Обзор из отчетов БЕА. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bea.gov/news/glance> (дата обращения: 10.09.2025).
7. Пресс-релиз. Валовой внутренний продукт, 1 квартал 2025 года (третья оценка), ВВП по отраслям и прибыль корпораций (пересмотрен). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bea.gov/news/2025/gross-domestic-product-1st-quarter-2025-third-estimate-gdp-industry-and-corporate-profits> (дата обращения: 10.09.2025).
8. Росстат представляет первую оценку ВВП за 2024 год. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/254129> (дата обращения: 10.09.2025).
9. Банк России: Региональная экономика 2024. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/48964/report_01032024.pdf (дата обращения: 11.09.2025).
10. Смирнов, В. Д. Финансовая стабильность и экономическое развитие: расстановка приоритетов / В. Д. Смирнов // Финансы: теория и практика. – 2025. – Т. 29, № 3. – С. 148–165.
11. Садовников, С. В. Технологический суверенитет и демографический рост как ключевые элементы государственной безопасности в условиях текущей геополитической реальности / С. В. Садовников // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2023. – Т. 13, № 2. – С. 26–37.
12. Балацкий, Е. В. Модель российской экономики: постиндустриальное общество без индустриального сектора / Е. В. Балацкий, Н. А. Екимова // Мир новой экономики. – 2021. – Т. 15, № 2. – С. 29–46.
13. РИА Рейтинг: только в одном регионе в 2024 году потреби-

тельский спрос снизился. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://riarating.ru/regions/20250414/630279894.html> (дата обращения: 10.09.2025).

14. Гулевич, И. И. Обоснование корректировки методов оценки бизнеса в условиях санкционных ограничений (на при-

мере лесопромышленного комплекса) / И. И. Гулевич // Экономические системы. – 2023. – № 2. – С. 15–22.

15. Валовой внутренний продукт. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bea.gov/data/gdp/gross-domestic-product> (дата обращения: 10.09.2025).

References

1. *Kapkanshchikova, S. V.* From the economics of demand to the economics of supply? / S. V. Kapkanshchikova, S. G. Kapkanshchikov // Bulletin of the Moscow University. Series 6: Economics. – 2021. – № 1. – Pp. 58-76.
2. *Hangulyeva, O.* The law of supply and demand in economics / O. Hangulyeva // Symbol of Science: an international scientific journal. – 2023. – № 5-1. – Pp. 103-105.
3. *Myradova, A.* Supply and demand and other concepts in economics / A. Myradova, O. Rozieva, M. Annamyradov // Ceteris Paribus. – 2023. – № 3. – Pp. 151-154.
4. *Ivanova, Yu. A.* Factors of supply and demand in the economy / Yu. A. Ivanova // Management in Social and Economic systems. – 2021. – Pp. 189-191.
5. *Sidenko, D. S.* Modeling supply and demand in the digital economy / D. S. Sidenko // Forum. – 2024. – № 2(32). – Pp. 257-260.
6. A brief overview of the US economy. An overview from the BEA reports. – [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.bea.gov/news/glance> (access date: 09/10/2025).
7. Press release. Gross domestic product, Q1 2025 (third estimate), GDP by industry and corporate profits (revised). – [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.bea.gov/news/2025/gross-domestic-product-1st-quarter-2025-third-estimate-gdp-industry-and-corporate-profits> (access date: 09/10/2025).
8. Rosstat presents the first estimate of GDP for 2024. – [Electronic resource]. – Access mode: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/254129> (access date: 09/10/2025).
9. The Bank of Russia: Regional economy 2024. – [Electronic resource]. – Access mode: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/48964/report_01032024.pdf (access date: 09/11/2025).
10. *Smirnov, V. D.* Financial stability and economic development: prioritization / V. D. Smirnov // Finance: theory and practice. – 2025. – Vol. 29, № 3. – Pp. 148-165.
11. *Sadovnikov, S. V.* Technological sovereignty and demographic growth as key elements of state security in the current geopolitical reality / S. V. Sadovnikov // Humanities. Bulletin of the Financial University. – 2023. – Vol. 13, № 2. – Pp. 26-37.
12. *Balatsky, E. V.* The model of the Russian economy: a post-industrial society without an industrial sector / E. V. Balatsky, N. A. Ekimova // The world of the new economy. – 2021. – Vol. 15, № 2. – Pp. 29-46.
13. RIA Rating: consumer demand decreased in only one region in 2024. – [Electronic resource]. – Access mode: <https://riarating.ru/regions/20250414/630279894.html> (access date: 09/10/2025).
14. *Gulevich, I. I.* Justification for adjusting business assessment methods in the context of sanctions restrictions (on the example of the timber industry) / I. I. Gulevich // Economic systems. – 2023. – № 2. – Pp. 15-22.
15. Gross domestic product. – [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.bea.gov/data/gdp/gross-domestic-product> (access date: 09/10/2025).

Информация об авторах

Барабанов В.Ю., кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики и мировых финансов Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (г. Москва, Российская Федерация).

Гайфуллин В.А., научный исследователь, факультет международных экономических отношений, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (г. Москва, Российская Федерация).

© Барабанов В.Ю., Гайфуллин В.А., 2025.

Information about the authors

Barabanov V.Y., Ph.D. in Economics, Associate Professor of the Department of World Economy and World Finance at the Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation).

Gaifullin V.A., scientific researcher, Faculty of International Economic Relations, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation).

© Barabanov V.Y., Gaifullin V.A., 2025.